

**Е. Л. Березович**

Уральский федеральный университет, Екатеринбург  
berezovich@yandex.ru

**Г. И. Кабакова**

Университет Париж-Сорбонна, Париж (Франция)  
galina.kabakova@libertysurf.fr

## **Материальная и духовная культура Франции и России в зеркале языка: взаимные отражения**

В результате многолетних контактов Франции и России в двух языках сложились взаимные культурно-языковые образы: француза и «французскости» в русском языке, русского и «русскости» во французском. В докладе эти образы рассматриваются контрастивно. Для анализа выбран тематический фрагмент, связанный с материальной и духовной культурой двух народов. Изучается ядро языковых образов — системно-языковые факты, во внутренней форме которых есть прямое указание на «русскость» или «французскость»: в русском языке — производные от этнонима *француз* (с учетом образований от диалектных или устаревших основ *пранц-, франч-, фрянк-, хранз-, хранц-*) и топонима *Париж*; во французском языке — производные от слов *Russe, Russie* ‘русский’, *Cosaque* ‘казак’ → ‘русский военный’ → ‘русский’, *Moscou* ‘Москва’, устар. *Moscovite* ‘житель Москвы, русский’.

В тематической группе «Материальная культура» представлены обозначения одежды, тканей, обуви (*французский каблук* ‘выгнутый, тонкий каблук’, смол. *парижский сарафан* ‘нарядный сарафан с яркими цветами’; *moscovite* ‘ткань, использовавшаяся для пошива модных платьев’, *pantalon (à la) cosaque* <штаны на казачий лад> ‘широкие штаны, сужающиеся книзу’), косметики, парфюмерии, причесок (*французские духи*; *russes* ‘короткие бакенбарды’), гастрономии (*французская водка* ‘коньяк’, одес. *хранзоль* ‘сдоба’; *salade moscovite* <московский салат> ‘овощной салат с яйцами и майонезом’, *galette russe* <русская лепешка> ‘бисквиты, приготовленные на коричневом сахаре и прослоенные толстым слоем кофейного крема’), элементов бытового окружения

(*французский замок* ‘самозакрывающийся, врезаемый в дверь замок’, *французская кровать* ‘широкая двуспальная кровать’; *casserole russe* <русская кастрюля> ‘кастрюля с вертикальными стенками, длинной ручкой и крышкой’, жарг. *cosaque* ‘вид печи’), т р а н с п о р т н ы х с р е д с т в (вгл. *парижаны* ‘нарядные выездные сани’).

Сопоставление мира бытовых артефактов в отражении русского и французского языков показывает, насколько русская действительность была насыщена «французскими» предметами, окружавшими представителей всех слоев общества, от дворянства до простолюдинов. «Русские» же артефакты во французском языковом пространстве носят преимущественно эпизодический характер. Показательно и то, что во французском языке отсутствует обобщенный образ русского материального мира, в то время как в русском языке фиксируется общая ассоциация Франции и всего французского с модой, роскошью, блеском (ср. сочетания *парижский шик*, *французская роскошь*, *парижская мода* и др.), пусть даже воспринимаемыми иногда как нечто поверхностное (*французские безделушки*, арх. *фрянка* ‘всякая всячина’).

В отношении реального знакомства с чужим предметом ситуация в России и Франции различна: «французские» предметы одежды, блюда, выпечка действительно изначально прибывали из Франции или входили в русский быт благодаря французским мастерам и ремесленникам, порой десятилетиями трудившимся в России. «Русские» же предметы за редким исключением, когда они действительно импортировались из России (*cuir russe* <русская кожа> ‘юфть’, *laine de Moscovie* <московская шерсть> ‘фетр из подшерстка бобра’), были результатом недолгого наблюдения, как правило, в период военных столкновений.

В некоторых случаях происходит своего рода «конструирование» чужого продукта на основе национальных стереотипов. Так, во французском языке есть многочисленные «русские» названия блюд, семантическим признаком которых является жирность (присутствие большого количества крема, майонеза) или наличие «русского» ингредиента вроде икры (ср. *côtelette de saumon à la russe* <стейк из лосося по-русски>, т. е. под майонезным соусом с икрой, кусочками омара или лангуста). «Русские» ингредиенты могут быть вымышленными: к примеру, «русскому» чаю (*thé russe*) приписывается цитрусовый привкус.

Во многих русскоязычных обозначениях реалий материальной культуры определение *французский* означает прежде всего

«европейский», «западный», отсюда наличие вариантов с «английской», «немецкой», «испанской» и т. п. атрибуцией (*французское платье* = *немецкое платье*, *французская булавка* = *английская булавка*, *французский ветер* = *испанский ветер* ‘пирожное из взбитых белков’), часто с дополнительной оценочной семой «хороший» (модный, дорогой, попуной, престижный, нарядный, красивый и т. п.). Во французском языке сам факт «иностранных» номинаций в области моды или кулинарии является знаком уважения к чужой традиции. Сема «плохой» (примитивный, бедный, убогий, грубый или даже отсутствующий) в этом тематическом блоке встречается редко: *французское масло* ‘коровье масло со значительной примесью сала’; *chaussettes russes* <русские носки> ‘портянки’, ‘отсутствие обуви на ногах’.

Что касается тематической группы «Д о с у г , д у х о в н а я к у л ь т у р а», то она представлена гораздо меньшим количеством лексических единиц, чем предыдущая группа, но при этом отличается завидной симметрией. К примеру, и русские, и французы выделяют в чужой культуре т а н ц ы, которые под своими «иностранными» названиями в обеих странах царили как на светских балах, театральных сценах, так и на простонародных танцульках: *французская кадрили* ‘танец, исполнявшийся четным количеством пар, стоящих в две линии на расстоянии 5–6 шагов’, свердл. *парижáнка* ‘танец с песнями’; *la moscovite* ‘старое название французского контрданса, попури из разных фигур, позаимствованных из других танцев’, *danse russe* <русский танец> ‘фольклорный танец вприсядку’, *pas russe* <русское па> ‘па де баск’, ‘грубый танец русских крестьян’ и др. Русский балет, уходящий корнями в традиции французского балета, вернулся на свою историческую родину (в первую очередь под влиянием «Русских сезонов» Дягилева) и стал отдельным понятием (*ballet russe*).

Не менее важным чужим топосом стала п р о з а — с психологической доминантой, как в русских романах (ср. устойчивое сочетание *romans russes*, под которыми подразумеваются романы Толстого, Достоевского, Тургенева), или с любовной, как во французских (в России *французскими романами* назывались главным образом сентиментальные произведения, написанные, как правило, в XVIII–XIX вв.). С русским психологическим романом в сознание французской элиты вошел и концепт «русской (славянской) души» (*âme russe, âme slave*) и,

возможно, «русского шарма» (*charme russe*), «русской красоты» (*beauté russe*) – или, точнее, красоты русской женщины.

Преобладание обозначений «французских» предметов быта в русском языке до некоторой степени уравнивается наличием названий «русских» и г р и р а з в л е ч е н и й во французском. Они были либо привезены из России (*poupée russe* <русская кукла> ‘матрешка’, *billard russe* <русский бильярд> ‘разновидность бильярда’), либо названы «русскими» как дань царившей в определенный период русофилии (ср. обозначение аттракциона *montagnes russes* <русские горки>, построенного в Париже в 1816 или 1817 г., когда Россия была в моде), либо приписывались русским офицерам (*roulette russe* <русская рулетка>). Можно, однако, увидеть и некоторую внутреннюю логику в последних двух терминах: в обоих случаях речь идет об экстремальных ощущениях, а стереотип русского характера включает в себя порыв к сильным переживаниям.

**Е. Д. Бондаренко**

Уральский федеральный университет, Екатеринбург  
jelena.kazakowa@gmail.com

## **Параметры любительского диалектного словаря и личность автора**

Любительские диалектные словари — это списки «местных» или «старинных» слов, составленные непрофессиональными лексикографами. В настоящем докладе будут обозначены некоторые социокультурные и лингвистические характеристики наивных лексикографов, в наибольшей степени определяющие особенности составления словарей. Материалом для доклада стали различные русские любительские словари — как рукописные, так и опубликованные лингвистами-профессионалами.

1. **В о з р а с т.** Диалектные слова могут записывать школьники по заданию учителя — с установкой на сбор «старинных слов» у своих бабушек и дедушек. Словарики, получившиеся в результате такой деятельности, представляют собой плод собирательской деятельности